АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА НОВИЦКАЯ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, д. 1, строение 13

E-mail: tnov2001@mail.ru

SPIN-код: 6199-0516

ORCID: 0000-0001-8409-5673

DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-6-novitskaya

ПРАВОСПОСОБНОСТЬ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ (ГРАЖДАН) — СУБЪЕКТОВ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, как формировалось учение о физических лицах — субъектах имущественных правоотношений и каким образом регулировалось в законодательстве такое понятие, как правоспособность. Показана зависимость правоспособности физических лиц в русском дореволюционном гражданском праве от сословной принадлежности, вероисповедания, национальности, места жительства. Рассмотрено понятие правоспособности, момент ее возникновения и прекращения, история регистрации актов гражданского состояния. Анализируется регулирование содержания правоспособности в российском законодательстве.

Ключевые слова: история гражданского права, правоспособность субъектов граждан (физических лиц), имущественные правоотношения

TATYANA E. NOVITSKAYA

Department of history of state and law, Lomonosov Moscow state University (MSU)

119991, GSP-1, Moscow, Leninskie Gory, d. 1, building 13
(4th educational cor-pus)

E-mail: tnov2001@mail.ru

SPIN code: 6199-0516

ORCID: 0000-0001-8409-5673

THE LEGAL CAPACITY OF NATURAL PERSONS (CITIZENS)-SUBJECTS OF PROPERTY RELATIONS IN RUSSIAN LEGISLATION

Abstract. The paper deals with the question of how the doctrine of individuals-subjects of property relations was formed and how such a concept as legal capacity was fixed in the laws. The dependence of the legal capacity of individuals in Russian pre-revolutionary civil law on class affiliation, religion, nationality, and place of residence is shown. The concept of legal capacity, the moment of its origin and termination, and the history of civil registration are considered. The article analyzes the regulation of the content of legal capacity in Russian legislation.

Keywords: history of civil law, legal capacity of subjects of citizens (individuals), property relations

Как известно, участниками имущественных правоотношений могут быть физические и юридические лица. Своеобразным субъектом является государство как в целом, так и в лице отдельных органов, на то уполномоченных. Однако современное представление о субъектах правоотношений, в том числе имущественных, складывалось постепенно.

Статус субъектов гражданского права во многом определяется типом права на разных этапах эволюции гражданского законодательства. В русском законодательстве, существовавшем до революции 1917 г., о субъектах права как гражданско-правовой категории не упоминалось. Известный историк отечественного гражданского права К.А. Неволин писал: «Рассмотрение вопроса, в каком пространстве разные лица, физические и юридические, могли у нас в различные времена обладать правами на имущества, принадлежит истории законов о состояниях»¹. Автор писал эти строки в середине XIX в., и касались они в первую очередь физических лиц, и поскольку в то время господствовало крепостничество, ученому приходилось делать аккуратные и дипломатичные заявления.

В курсе лекций по гражданскому праву Д.И. Мейера, прочитанном им до отмены крепостного права, но исправленном и дополненном составителем А.Х. Гольмстеном и отредактированным А.И. Вицыным в пореформенный период, говорилось, что в «древних гражданских обществах были люди, не считавшиеся субъектами права»². Однако было сказано и о том, что «в нашем Отечестве даже лишенный всех

¹ Неволин К. История российских гражданских законов. Т. 2. Энциклопедия законоведения. Вторая половина особенной части. СПб., 1857. С. 1.

² Мейер Д.И. Русское гражданское право. В 2 ч. Ч. 1. М., 1997. С. 84.

прав состояния не перестает быть правоспособным»³. Вывод соответствует ситуации, существовавшей в России только после отмены крепостного права.

Важнейшими характеристиками правового статуса субъекта — физического лица являются правоспособность и дееспособность.

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения, что сословный строй, присущий феодальному обществу, предполагает, что субъекты имущественных отношений обладают различным объемом правоспособности. Отсутствие в русском законодательстве единого статуса субъектов имущественных правоотношений и явилось, по всей видимости, причиной того, что в цивилистической литературе практически отсутствовали исследования о развитии правового статуса субъектов гражданско-правовых отношений в России. И много лет спустя после отмены крепостного права в русском гражданском праве, по сути дела, не было единого для всех субъектов правового статуса. Примечательно, что речь идет прежде всего об объеме правоспособности. Правоспособность в русском гражданском праве зависела от сословной принадлежности, вероисповедания, национальности, места жительства; как и в любом другом государстве, на объем правоспособности влияло подданство. В 1907 г. М.Ф. Владимирский-Буданов, говоря о субъектах частного права, отмечал: «Этот отдел истории права вовсе не имел у нас своей литературы; лишь в 1903 г. появилась книга Н.Н. Дебольского «Гражданская дееспособность по русскому праву»»⁴.

Итак, со времен древнерусского государства не все подданные обладали правоспособностью. Известно, что рабы (челядь, холопы) рассматривались в качестве объектов, а не субъектов права. Во всяком случае все имущество и все долги, которые имелись у холопа, считались имуществом и долгами его господина. Холоп, которого отсылали в торг, приобретал имущество на имя своего господина. Холоп так и оставался объектом права вплоть до отмены крепостной зависимости, хотя со временем в некоторых случаях холопы приобретали некоторые имущественные права. Постепенно круг лиц, не являвшихся субъектами имущественных правоотношений, увеличивался. В XVII в. он пополнился значительной социальной группой — владельческими крестьянами. Апогей бесправия крепостных (т.е. тех, в отношении ко-

³ Мейер Д.И. Указ. соч. С. 84.

⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 5-е изд. СПб.; Киев, 1907. С. 384 (примеч.). Речь шла о монографии Н.Н. Дебольского «Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII в.» (3-е изд. СПб., 1903).

торых можно было заключать договоры, оформляемые крепостным порядком) достигло в XVIII в.

Как известно, интенсивное развитие буржуазных отношений требует уравнивания участников гражданского оборота в правах. Однако феодализм строится на сословных началах, что предполагает неравный статус различных слоев общества. Основопологающим в праве России XVIII в. был его сословный характер. Подготавливая будущую систематизацию российского законодательства⁵, М.М. Сперанский вывел за рамки систематического указателя для Полного собрания законов рубрику «Состояние» в разделе «Лица» Отдела I «Законы гражданские»: России как «законной» монархии, конечно, стыдно было уподобляться Северо-Американским Штатам с их чернокожим рабством и выносить на публику рабство своих единоплеменников и единоверцев. «И именно поэтому наше крепостное состояние еще отвратительнее, — писал А.И. Герцен. — Я ничего не знаю нелепее, безобразнее дикого отношения рабства между равными: по крайней мере, негр черен и курчав, а его помещик рыж и налит лимфой»⁶.

Была и иная причина молчания о правоспособности субъектов имущественных отношений. Хотя дворяне в лице своих идеологов и прикрывались идеей попечительства над крепостными, которые без мудрого дворянского руководства могли-де пропасть, но их господа без крепостных вообще прожить не могли. Крепостные приносили своим хозяевам серьезные доходы. В XVIII в. резко возрастает доля капиталов крепостных крестьян в торговле и промышленности. Отпуск крепостных на оброк в качестве наемных рабочих на частные предприятия приобретает значительный размах, а вот барщинные работы с каждым годом становятся все менее рентабельными. Так что, исключая, пожалуй, винокурение, поскольку последнее было монополией помещиков, доходы последних напрямую зависели от предприимчивости их крепостных. В этих условиях полностью исключать крепостных крестьян из круга субъектов имущественных правоотношений было невыгодно в первую очередь для их же хозяев. Такое положение и заставляло законодателя промолчать и не ставить точки над «i» в вопросах, связанных с правоспособностью крепостных.

⁵ Как известно, систематическое собрание строилось на базе всех нормативных правовых актов России начиная с Соборного уложения 1649 г., а 8 из 40 томов Полного собрания законов Российской империи заняло впоследствии екатерининское законодательство.

⁶ Герцен А.И. Крещеная собственность // Герцен А.И. О социализме. Избранное. М., 1974. С. 321.

Ученый-правовед начала XIX в. Л.А. Цветаев, опираясь в значительно большей степени на теорию, нежели на действовавшее законодательство, определял субъектов права следующим образом: «Первое безусловное право человека есть право на пользование и сохранение бытия своего, рассматриваемого в двух различных существах, его составляющих, т.е. души и тела. — Сие право дает человеку название лица (*personne*): ибо личность в правоведении есть бытие воли, соединенное с правами и должностями. Сие право есть главное и высшее из всех, даже безусловных: ибо все прочие права и самые безусловные могут и должны быть из него выведены»⁷.

Теория естественного права, получившая в XVIII в. значительное распространение, отразилась в российском правоведении XIX в.⁸ представлением о том, что «гражданское законодательство не может уничтожить врожденных прав человека, ниже отнимать приобретенных справедливо. Законы гражданские должны быть для всех граждан одинаковы»⁹. Однако столь категоричное суждение надо понимать в том смысле, что каждому сословию присущ свой объем прав. Сословность русского общества предопределила различный объем прав у различных состояний. Объем этот не оставался постоянным, он менялся. Традиционно считается, что самым широким кругом прав были наделены дворяне, затем — городские обыватели и духовенство. Больше всех были ограничены в правах крестьяне. Включение с 1772 г. в состав российских подданных евреев, проживавших на западных украинских и белорусских, а также литовских территориях, заставило правительство озаботиться их статусом¹⁰. Речь в данном случае идет именно о правоспособности, т.е. способности иметь права и нести обязанности.

Определение правоспособности, как известно, появляется в российском законодательстве после Октябрьской революции¹¹. Дореволюци-

⁷ Цветаев Л. Первые начала прав: частного и общего, с присовокуплением оснований народного права. М., 1823. С. 13.

⁸ См.: Tumanova A.S. The Liberal Doctrine of Civil Rights in Late Imperial Russia // Cahiers du monde russe. 2016. Vol. 57. No. 4. P. 791–818.

⁹ Цветаев Л. Указ. соч. С. 55.

¹⁰ См.: Законодательство Екатерины II. В двух томах. Т. 2. М., 2001 (гл. 4, п. 4.4).

¹¹ По данной проблеме см.: Новицкая Т.Е. Граждане (физические лица) как субъекты имущественных правоотношений в первые годы Советской власти (1917–1920-е годы) // Научные труды. Российская академия юридических наук. М., 2019. С. 75–79.

онный Свод законов гражданских в разделе «Лица» содержал нормы, регулировавшие семейно-правовые отношения. Как писал Г.Ф. Шершеневич, «русскому законодательству известны оба термина, правоспособность (т. X, ч. I, ст. 146) и дееспособность (т. XVI, ч. I, Устав гражд. суд., ст. 1681), но без всякого разграничения соединяемых с ним понятий»¹². В последнем издании учебника он добавляет: «Русскому законодательству известен только термин «правоспособность» (ст. 146), хотя в последнее время в него проникает и дееспособность (т. XVI, ч. I, Уст. гражд. суд. ст. 1681), но без всякого разграничения соединяемых с ними понятий. Точно так же и судебная практика не различает этих понятий, так, напр., спор о действительности акта усыновления, совершнного лицом больным и психически расстроенным, Сенат называет вопросом о правоспособности усыновителя (09, 14, см. впрочем 96, 44, где имеется попытка разграничения этих понятий)»¹³.

Как упоминалось, о правоспособности говорит ст. 146: «Усыновитель должен иметь не менее тридцати лет от роду, быть старше усыновляемого по крайней мере восемнадцатью годами и иметь общую гражданскую правоспособность. 1891 Март. 12 (7525) IV, ст. 2». Видно, что законодатель не дает базового определения правоспособности для субъекта гражданского правоотношения.

Как писал К.Н. Анненков, «в нашем законодательстве также нет никаких общих правил или определений начала и конца лица; а есть только некоторые частные постановления в разделе “О приобретении имущества наследством по закону”, из которых могут быть извлечены в этом отношении только косвенные указания»¹⁴. Это, конечно, не означало, что в научной и учебной литературе не было определений правоспособности. Оно имелось в курсах по гражданскому праву. Определение это вполне стандартно: «Способность иметь и приобретать права, т.е. быть субъектом прав и обязанностей, называется правоспособностью (*Rechtsfähigkeit, jouissance des droits*), которая в настоящее время составляет во всех культурных странах достояние каждого человека»¹⁵.

Первая попытка закрепить в законе определение правоспособности была осуществлена в проекте Гражданского уложения. В коммен-

¹² Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 3-е изд. Казань, 1901. С. 75.

¹³ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. I. М., 1914. С. 92.

¹⁴ Анненков К. Система гражданского права. Т. I. Введение и общая часть. СПб., 1901. С. 117.

¹⁵ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. I. С. 91.

тарии составителей к ст. 23, озаглавленной «О правоспособности»¹⁶, «слово “правоспособность” употреблено в общем смысле, обнимающем как способность иметь и приобретать права, так и способность совершать потребные в гражданском быту действия, акты и сделки»¹⁷. К окончательному решению авторы нормы не пришли. Поэтому статьи о дееспособности могли либо остаться в главе «О правоспособности», либо переехать в главу «О личной способности к действиям»¹⁸.

Однако кн. 1 Гражданского уложения так и осталась в качестве проекта. И первым законодательным актом, в котором было дано определение правоспособности, стал Гражданский кодекс РСФСР 1922 г.¹⁹ Придя к власти, большевики не торопились принимать кодексы и тем более кодекс, регулирующий имущественные отношения. Принимались акты, которые относились к регулированию правового положения субъектов правоотношений, но определения правоспособности они не касались. Более того, даже когда встал вопрос о кодификации гражданского права, а произошло это только в 1920 г., представитель Наркомата юстиции А.Г. Гойхбарг, выступая 28 июня перед деятелями советской юстиции, т.е. перед губернскими комиссарами юстиции, председателями советов народных судей и работниками трибуналов, обосновал нецелесообразность разработки Гражданского кодекса (далее — ГК), поскольку, как он считал, отношения, которые должны были им регулироваться, отсутствуют: «Число гражданских дел сводится к нулю, договорное право уничтожено»²⁰. Речь о принятии Кодекса об обязательствах, возникающих из договоров, зашла только летом 1921 г., когда резко возросло число заключаемых сделок и, соответственно, возникла необходимость урегулирования этих отношений государством. Кодекс, проект которого был разработан и практически одобрен на уровне Совета народных комиссаров, не был утвержден, поскольку В.И. Ленин, который во время рассмотрения проекта болел и текст проекта не читал, по ряду причин пришел к выводу, что проект не дает возможности

¹⁶ «Каждый признается способным иметь и приобретать гражданские права со дня его рождения и до смерти в пределах, законом установленных».

¹⁷ Проект книги первой Гражданского уложения с объяснительною запискою. СПб., 1895. С. 105.

¹⁸ Там же С. 127.

¹⁹ Здесь и далее нормативные правовые акты РСФСР, СССР и РФ даны с использованием СПС «Гарант» и «КонсультантПлюс».

²⁰ Протоколы III Всероссийского съезда деятелей советской юстиции, с приложением резолюций съезда // Материалы НКЮ. Вып. XI–XII. Пг., 1921. С. 104.

государству вмешиваться в частноправовые отношения, что, как он считал, необходимо²¹.

ГК начали разрабатывать летом 1922 г. и создали для этого Межведомственную комиссию, которая, по данным Энциклопедии государства и права, была образована при Отделе законодательных предположений Наркомата юстиции. Помимо работников этого наркомата в комиссию вошли юристы из Наркомата финансов, ВСНХ, Центросоюза, Госбанка и Украинского представительства. Председатель комиссии — проф. В.А. Краснокутский — был сотрудником Наркомюста²². А.Г. Гойхбарг впоследствии, объясняя тот факт, что Наркомат юстиции оказался недоволен работой Межведомственной комиссии, говорил, что в Комиссию вошли «технически знающие юристы», т.е. люди, хорошо знакомые с цивилистической литературой, в том числе и с западной, а также с законами и практикой их применения, однако коммунистов среди членов комиссии было мало. Комиссия разработала только общую часть ГК. Таким образом, статьи о правоспособности ею наверняка рассматривались. Отношение к гражданскому праву как к праву частному проявилось в том, что «правоспособность» в проекте определялась Комиссией юристов как естественное свойство человека²³.

Поскольку текст ст. 4 ГК РСФСР 1922 г., содержавшей определение правоспособности, не соответствует идеям естественного права, можно сделать вывод, что эта статья была написана или отредактирована уже на следующей стадии разработки проекта ГК, который проходил под руководством А.Г. Гойхбарга. Однако и в этом случае сформулированное в этой статье определение правоспособности нельзя рассматривать как принципиально новый взгляд большевиков на этот институт. Дело в том, что большевики, как сторонники материального подхода к определению правовых институтов (в частности, в УК РСФСР 1922 г. дано материальное определение преступления), опирались и на взгляды ведущих дореволюционных цивилистов России. Так, Г.Ф. Шершеневич писал: «Правоспособность, составляющая юридическое свойство каждого человека, продолжает сохраняться от рождения до наступления такого факта, который разрывает эту

²¹ Подробнее см.: *Новицкая Т.Е.* Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М., 2012. С. 41–47.

²² См.: *Энциклопедия государства и права* Т. I. Вып. I / Под ред. П. Стучки. М., 1925. С. 509.

²³ См.: *Новицкая Т.Е.* Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. М., 2012. С. 51.

связь. Такими фактами, с которыми соединяется прекращение правоспособности данного лица, являются смерть, лишение всех прав состояния и пострижение в монашество»²⁴. Вторая часть приведенного мнения ученого показывает, что автор предполагает возможность прекращения правоспособности в силу норм закона.

Статья 4 ГК РСФСР 1922 г. не говорит о моменте возникновения и прекращения правоспособности. Но связывает возникновение правоспособности с предоставлением ее государством и допускает ограничение правоспособности тоже по воле государственных установлений. «В целях развития производительных сил страны РСФСР предоставляет гражданскую правоспособность (способность иметь гражданские права и обязанности) всем гражданам, не ограниченным по суду в правах». Таким образом, законодатель уходит от определения правоспособности с позиции естественного права, оговаривает возможность государства влиять на ее содержание, полностью солидаризируясь с позицией, что право есть воля господствующего класса, возведенная в закон.

Однако нельзя думать, что данный подход возник на пустом месте. Следует отметить, что при разработке соответствующей главы о правоспособности в проекте Гражданского уложения русские ученые руководствовались нормами зарубежных источников, поэтому, помимо сложностей перевода, у них возникали споры о предпочтительности того или иного подхода к определению правоспособности.

Если же непосредственно обратиться к сути данной дискуссии, то легко можно увидеть и корни ограничения правоспособности в советском ГК 1922 г. Рассматривая различные варианты интерпретации правоспособности в современных работах зарубежных (преимущественно немецких) ученых, авторы толкований к ст. 23 проекта Гражданского уложения, отмечали, что «в немецкой литературе понятие о правоспособности... излагается обыкновенно как вывод из учения о старинных римских и германских ограничениях ее, состоящий в том, что все эти старые ограничения ныне уже не существуют, что каждый человек может теперь быть субъектом прав, каждый человек есть лицо правоспособное и что в этом смысле правоспособность совпадает с понятием личности или выводится из права личности» (Пухта, Барон, Савиньи, Дернбург); «однако полного совпадения правоспособности с понятием о личности очевидно нет; верно лишь то, что абсолютно неправоеспособных теперь не существует, отдель-

²⁴ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М., 1914. С. 76.

ные же ограничения правоспособности... по отношению к отдельным состояниям лиц и к некоторым правам существуют и в настоящее время» (Дернбург, Штоббе, Гербер и др.)²⁵.

Подобный взгляд на правоспособность находит продолжение в современных исследованиях, когда утверждается, что без учета публичного интереса и правовой связи гражданина с государством теряются обязанности гражданина, неразрывно связанные с его субъективными правами. Именно с точки зрения «публичного интереса» («в целях развития производительных сил страны») и «предоставляла» РСФСР гражданам правоспособность.

Статья 4 ГК 1922 г. оставалась неизменной до принятия Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. и ГК РСФСР 1964 г., где правоспособность уже определялась вполне традиционно. «Способность иметь гражданские права и обязанности (гражданская правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами РСФСР и других союзных республик» (ст. 8, ч. 1 Основ и ст. 9, ч. 1 ГК), т.е. из закона было исключено положение о целях предоставления государством правоспособности. Осталась эта норма без изменений и в современном ГК РФ, что, впрочем, вполне естественно, поскольку подготовку Основ 1961 г. осуществляли высококвалифицированные юристы. Е.А. Флейшиц в статье, опубликованной в 1960 г., т.е. когда принимались Основы гражданского законодательства, обосновала абстрактный характер правоспособности тем, «что правоспособность есть закрепленная законом за гражданами или организациями возможность иметь любые права и нести любые обязанности, из числа предусматриваемых для данной области общественных отношений соответствующей системой объективного права»²⁶.

Интересна некоторая терминологическая особенность норм, формулирующих понятие правоспособности. До революции ни в научных работах, ни в проекте Гражданского уложения не определялось, о каком физическом лице идет речь с точки зрения его гражданства. Однако из ряда указаний закона, в частности, из содержания норм, ограничивающих правоспособность подданных государств-противников в Первую мировую войну, видно, что законодатель различал правоспособность их и подданных России.

²⁵ Цит. по: Проект книги первой Гражданского уложения с объяснительною запискою. СПб., 1895. С. 107.

²⁶ Флейшиц Е.А. Соотношение правоспособности и субъективных прав // Вестник гражданского права. 2009. № 2. С. 209–230.

После принятия в 1917 г. ВЦИК постановления об отмене сословий и гражданских чинов население Российской Республики стало именоваться гражданами. Именно о гражданах РСФСР как лицах — субъектах права идет речь в первом Гражданском кодексе и последующих советских законах. Современный законодатель уточнил, что речь идет о гражданах — физических лицах в противоположность, видимо, лицам юридическим. Однако существует такая точка зрения о том, что термин «физические лица» шире по своему содержанию и включает в себя не только граждан России, но и иностранных граждан и лиц без гражданства²⁷. Такой вывод вызывает некоторое сомнение, поскольку заглавие гл. 3 подразд. 2 «Лица» сформулировано таким образом: «Граждане (физические лица)», предполагающее, что словосочетание в скобках имеет смысл пояснения.

Однако «гражданин» в тексте ГК РФ может на основании ст. 17 трактоваться двояко: и как любое физическое лицо, и как гражданин государства. Последнее нуждается, как кажется, в уточнении. О каком государстве идет речь: о Российской Федерации или о иностранном. Эта двусмысленность видна и комментаторам ГК. Так, в комментарии ГК под редакцией Ю.Ф. Беспалова содержится весьма размытая формулировка: «Иностранные граждане и лица без гражданства *могут иметь* (а могут и *не* иметь. — *Т.Н.*) те же гражданские права и обязанности, которые предусмотрены гражданским законодательством для граждан России»²⁸.

В этом смысле советский законодатель в постановлении о введении в действие ГК РСФСР 1922 г. высказался вполне определенно: «Права граждан иностранных государств, с которыми РСФСР вступила в то или иное соглашение, регулируются этими соглашениями.

Поскольку права иностранцев не предусмотрены соглашениями с соответствующими правительствами и специальными законами, права иностранцев на свободное передвижение по территории РСФСР, избрание профессий, открытие и приобретение торгово-промышленных предприятий, приобретение вещных прав на строения и земельные участки могут быть ограничены постановлением подлежащих центральных органов правительства РСФСР по соглашению с Народным комиссариатом иностранных дел» (п. 8 постановления).

²⁷ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Подробный постатейный комментарий с путеводителем по законодательству и судебной практике. Ч. I / Отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М., 2017.

²⁸ Там же.

Вопрос о моменте возникновения и прекращения правоспособности не был регламентирован ни в дореволюционном законодательстве, ни в первом ГК РСФСР.

Дореволюционную цивилистику интересовал не только момент возникновения правоспособности, а он связывался с рождением младенца, но вопрос, когда можно считать новорожденного субъектом права. Г.Ф. Шершеневич на основании анализа уголовного законодательства сделал вывод о том, что в России моментом возникновения правоспособности рассматривалось рождение. Автор сравнивает подход к проблеме законодательств различных европейских государств. Так, германские законы устанавливали временем возникновения правоспособности рождение живого младенца, французское право предполагало не только рождение живого младенца, но и жизнеспособного, испанцы пошли дальше: новорожденный должен был иметь человеческий облик²⁹. А вот русское законодательство придерживалось иной точки зрения, исходя опять-таки «из уголовного закона, угрожающего наказанием тому, кто в случае, когда какою-либо женщиною рожден будет младенец чудовищного вида или даже не имеющий человеческого образа, вместо того, чтобы донести начальству, лишит сего уроду жизни, как за посягательство на жизнь существа, рожденного от человека и “следовательно, имеющего человеческую душу” (улож. наказ., ст. 1469), — можно заключить, что и такой *monstrum* должен быть рассматриваем как человек, а следовательно, как правоспособный»³⁰.

К.Н. Анненков также утверждал, что для российского законодательства был важен сам факт рождения живого ребенка независимо от того, насколько жизнеспособным он был. Именно этот факт служил основанием возникновения правоспособности, т.е. появления субъекта права. В подтверждение этой точки зрения Анненков приводит некоторые постановления «закона о порядке ведения актов состояния, из которых нельзя не усмотреть, что и наш положительный закон различает родившихся живыми и затем умерших или до совершения над ним обряда крещения, или до составления записи о их рождении, и мертворожденных»³¹. В обоснование своей позиции указанный автор ссылается на Правила от 15 августа 1879 г., изданные министром внутренних

²⁹ См.: Rodriguez de las Heras Balle T. Introduction to Spanish Private Law: Facing the Social and Economic Challenges. London, 2009. P. 34.

³⁰ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. С. 93.

³¹ См.: Анненков К. Указ. соч. С. 117.

дел и опубликованные в Собрании узаконений и распоряжений Правительства (1879, № 112, ст. 16), адресованные местным властям, регистрирующим акты состояния. В Правилах, в частности, указывалось, «что дитя, рожденное живым, но умершее до составления записи, заносится в книгу записей о рождении, а затем в книгу записей о смерти; между тем как о мертворожденных составляется особо одна только запись с показанием в ней мертворожденности»³².

Интересен еще один вывод, сделанный данным автором из анализа российских нормативных актов. «Нашему закону для признания за лицом, родившимся живым, правоспособности должно считаться безразличным то обстоятельство — умерло ли дитя, родившееся живым, по совершении над ним обряда крещения, или иного по правилам нехристианских вероисповеданий, или до его совершения, а следовательно, и до наречения новорожденного известным именем, вследствие чего правоспособность должна быть признаваема и за такими лицами, которые остались без означения их известным именем»³³.

Следует заметить, что принцип признания за ребенком, зачатым до смерти отца, но рожденным после его кончины, всех прав состояния и, в том числе, имущественных прав покойного отца существовал в России и до, и после революции. Советский ГК 1922 г. в примечании к ст. 418 говорит, что дети, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся после его смерти, считаются наследниками. Ныне действующий ГК содержит аналогичную норму. Предполагается, что дети, которые могут стать наследниками, должны быть зачатыми при жизни наследодателя и родиться живыми в течение 300 дней после его смерти (ст. 1116 ГК РФ, ст. 48 Семейного кодекса РФ). К наследованию призывается и ребенок, родившийся живым, но впоследствии умерший, в том числе на первой неделе жизни³⁴. Развитие современной науки позволяет найти разные варианты ответа на данный вопрос. Искусственное оплодотворение вызывает вопросы с точки зрения сроков признания за новорожденным прав наследства. Одновременно усложняет и положение остальных наследников.

Примечательно, что законодатель изменяет в определении возникновения правоспособности «день» рождения на «момент» рождения (см., например, новая редакция ст. 1116 ГК РФ).

³² См.: *Анненков К.* Указ. соч. С. 118.

³³ Там же.

³⁴ См.: *Частное право: проблемы теории и практики* / Отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М., 2016.

Прекращение правоспособности связывалось в русском законодательстве со смертью либо лишением всех прав состояния и пострижением в монашество.

В петровском законодательстве появляется такое наказание, как шельмование, предполагавшее исключение лица из общества. Пункт 5 раздела «О оглавлении приговоров в наказаниях и казнях» Краткого изображения процессов, или судебных тяжб гласит: «Надлежит знать всем, как с тем поступать, кто чести лишен, шелмован (то есть из числа добрых людей и верных извергнут).

1. Ни в какое дело ниже свидетельство не принимать. 2. Кто тако-го ограбит, побьет или ранит, или у него отъимет, у оного челобитья не принимать и суда ему не давать, разве до смерти кто его убьет, то яко убийца судитися будет. 3. В кампании не допускать и, единым словом, таковой весьма лишен общества добрых людей, а кто сие преступит, сам может наказан быть»³⁵. Отсутствие защиты имущественных прав заставляло исследователей полагать, что на начальном этапе существования этого наказания шельмованный лишался правоспособности.

В дальнейшем это наказание стало именоваться гражданской смертью, или лишением прав состояния. Одним из последствий этого наказания была потеря прав собственности на все принадлежавшее прежде имущество «со дня постановления и объявления ему окончательного о том приговора». Имущество поступало к его законным наследникам. «К ним также по праву представления поступает и всякое имущество, которое могло бы достаться виновному по наследству после его осуждения»³⁶ (ст. 32 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных).

Однако здесь надо согласиться с точкой зрения К.Н. Анненкова, который вслед за Д.И. Мейером вполне резонно утверждал, что «лицо, вследствие лишения его всех прав состояния, хотя и лишается прав, приобретенных им до наступления этого обстоятельства, но, затем, по правилам Устава о ссыльных, выраженным в 412 и 415 ст. XIV т. в месте отбытия наказания получает вновь право вступления в брак, а по 423 и 425 ст. XIV т. получает вновь право приобретать имущество, т.е. вновь становится лицом правоспособным»³⁷. Г.Ф. Шер-

³⁵ Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 425.

³⁶ Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. С. 179–180.

³⁷ Цит. по: Анненков К. Указ. соч. С. 119.

шеневич уточнил, что в этом случае у осужденного возникает «новая правоспособность».

Поступление лица в монахи также предполагало наряду с отказом от всех земных благ отказ от имущества. Соответственно, ни в какие имущественные правоотношения монахи не должны были вступать. Тем не менее пострижение в монашество хотя и рассматривалось русским законодательством в качестве некой «гражданской смерти», но строго таких юридических последствий не имело. Закон допускал возможность монашествующим иметь некое движимое имущество, которым они могли распоряжаться и передавать по наследству. Однако все это должно было содержаться в законе³⁸.

Обычно именно смерть прекращала правоспособность физического лица. Известно, что факт смерти не всегда может быть установлен, однако именно смерть является основанием прекращения правоспособности и служит причиной передачи имущественных (и некоторых неимущественных прав) умершего другим лицам.

Дореволюционное законодательство предусматривало довольно сложную и длительную процедуру признания лица безвестно отсутствующим, а при известных обстоятельствах — умершим. Законы о состояниях (ст. 7, 8 т. IX Свода законов) вообще не говорят о возможности признания лица умершим. Надо думать, что христианский обряд отпевания покойника недопустимо осуществлять применительно к человеку, мертвым которого никто не видел. Поэтому, вероятно, в отношении статуса безвестно отсутствующих применительно к их правоспособности закон использует термин «приостанавливается». Примечательно, что по общему правилу в соответствии со ст. 8 лица «свободных состояний» «считаются безвестно отсутствующими, если по отлучке их из мест их жительства не будет получено о месте пребывания их никаких сведений в течение десяти лет». К безвестно отсутствующим приравнивались лица, местонахождение которых было известно, но они пребывали за границей свыше пяти лет по истечении срока действия выданного им паспорта.

По сути дела, Устав гражданского судопроизводства и Свод законов гражданских регулировали не статус субъекта гражданских правоотношений, а статус имущества безвестно отсутствующего. Статья 1459 Устава гражданского судопроизводства устанавливала, что «постановление окружного суда о признании безвестного отсутствия не лишает признанного таковым права просить этот суд в срок, указанный в ст. 1244

³⁸ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. Т. 1. С. 98–99.

Законов гражданских, о возвращении ему имени». Срок, по истечении которого лицо, признанное безвестно отсутствующим, лишалось такого права, был установлен в 10 лет, что соответствовало сроку исковой давности. Следовательно, признание безвестно отсутствующим являлось установлением факта, помогающим разрешить имущественные проблемы субъекта и никак не влиявшее на прекращение или сохранение его правоспособности.

Признание лица умершим было связано с наличием обстоятельств, которые указывали на его вероятную смерть. Только проект Гражданского уложения четко регламентировал порядок регистрации смерти и одновременно прекращения правоспособности. Статья 729 Проекта устанавливала, что «в случае смерти таких лиц, о кончине которых достоверно известно, но тела которых не найдены, как-то: утонувших, погибших во время пожара, от взрывов, обвалов и иных несчастных случаев, местное полицейское управление или волостное правление составляет протокол, копию которого для внесения по этому акта смерти в метрическую книгу, препровождает подлежащему по месту последнего места жительства умершего духовному лицу или установлению, ведущему метрическую книгу». Однако, строго говоря, и в этом случае законодатель не касается прекращения правоспособности лица, признанного умершим. Такое признание может рассматриваться лишь в качестве основания приобретения прав наследования, но в более сжатые сроки.

Устав гражданского судопроизводства в ст. 1451 предоставлял право каждому, у кого имелось основание считать лицо, к имуществу которого у него было законное притязание, а также чинам прокурорского надзора, просить окружной суд, в ведении которого находилось имущество безвестно отсутствующего лица, осуществить публикацию о безвестном отсутствии и дать распоряжение принять меры к сохранению имущества. В соответствии со ст. 1453 (в редакции 1906 г.) суду должны были быть представлены доказательства как безвестного отсутствия лица, так и прав просителей на имущество. В случае признания окружным судом доказательств достаточными, суд принимал решение о публикации в губернских и сенатских официальных изданиях объявления о безвестном отсутствии и установлении опеки над имуществом. Публикации о безвестном отсутствии повторялись каждые полгода в течение пяти лет.

По истечении пяти лет суд приступал к непосредственному рассмотрению дела. Членом окружного суда или мировым судьей осуществлялся «розыск» о безвестно отсутствующем, а затем дело рас-

сма тривалось с обязательным участием прокурора, постановление о безвестном отсутствии оглашалось в открытом заседании и публиковалось в Сенатских объявлениях (ст. 1456—1458).

Таким образом, процедура была очень хорошо отработана и никоим образом не касалась правоспособности безвестно отсутствующего. Следующие пять лет после принятия постановления судом о безвестном отсутствии лица «вследствие усилившейся вероятности смерти его, принимаются во внимание интересы наследников», которые допускаются к управлению имуществом и получению с него доходов³⁹. И только по истечении 10 лет имущество переходит в собственность наследников.

Обращение советского законодателя к вопросу признания безвестно отсутствующими точно так же было связано с решением судьбы имущества отсутствующего гражданина. В Декрете СНК РСФСР от 17 июня 1918 г. «О праве получения содержания из имущества лиц, объявленных отсутствующими, и о судебном признании пропавших умершими» регулируется частный вопрос перехода имущества умершего его близким в условиях отмены наследования. Декрет следует за дореволюционным законодательством, выделяя варианты отсутствия, безвестного отсутствия и безвестной пропажи (без вести пропавший). Последнее стало особенно актуально в условиях Первой мировой войны и начинавшейся Гражданской войны. Порядок признания лица отсутствующим повторял выработанный до революции. Прежде всего это признание должно было исходить от суда. Подать заявление о «судебном признании лица отсутствующим, кроме лиц, имеющих право на содержание из имущества отсутствующего, могут кредиторы исчезнувшего и представители государственной власти» (ст. 5 — ср. со ст. 1451 Устава гражданского судопроизводства).

Как и Устав гражданского судопроизводства (ст. 1453), Декрет предоставляет местному суду, после того как он признает «заявление просителя заслуживающим доверия», провести собственное разыскание, а затем поместить публикацию в местных газетах о признании лица отсутствующим. Декрет вносит и более удобный порядок регистрации безвестного отсутствия. Поскольку для советского законодателя признание отсутствия лица являлось этапом для признания его умершим, закон обязывал отделы записей актов гражданского состояния заводить специальные книги, где должны были записываться данные о лицах, признанных в судебном порядке отсутствующими (ст. 12). Загсы,

³⁹ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. Т. 1. С. 95.

в свою очередь, обязаны были известить местные органы власти об организации охраны имущества лица, признанного в судебном порядке отсутствующим. Устав гражданского судопроизводства (ст. 1453) требовал, чтобы опекуна для охраны имущества отсутствующего назначал суд. Декрет допускал возможность предоставления нуждающимся содержания из имущества лица, признанного безвестно отсутствующим.

Советский декрет сократил срок, по истечении которого возможно было ходатайствовать о признании отсутствующего умершим. Если по истечении двух лет «со дня публикации о признании лица отсутствующим, исчезнувший не вернется и не придет сведений о своем местопребывании, заинтересованные лица и учреждения вправе возбудить перед судом вопрос о признании отсутствующего умершим» (ст. 19). Срок мог быть сокращен до шести месяцев, если исчезновение произошло «при обстоятельствах, внушающих уверенность в смерти от определенного несчастного случая». ГК РСФСР 1964 г. еще сильнее сократил сроки для признания граждан безвестно отсутствующими (один год) и умершими (три года), что было связано с действовавшей системой прописки.

Вообще такой подход вполне логично вытекал из общего взгляда законодателя на задачу, которую он ставил перед собой: дать возможность лицам, находившимся на иждивении безвестно отсутствующего, получить содержание из его имущества. Советский законодатель исходил из концепции, что основанием получения содержания может быть только смерть собственника или признание его умершим. В то время как для дореволюционного закона таким основанием являлся срок исковой давности. Именно поэтому возвращение лица, признанного умершим, по советскому законодательству давало ему право требовать оставшееся имущество, находящееся в управлении.

Регистрация рождений, смерти, признание безвестно отсутствующим связано с ведением актов гражданского состояния. Указом от 14 апреля 1702 г. «О подаче в Патриарший духовный приказ приходскими священниками недельных ведомостей о родившихся и умерших»⁴⁰ Петр I предписал московским священникам еженедельно подавать ведомости о всех родившихся и умерших людях. По мнению исследователей, с 1722 г. православные священники были обязаны вести метрические книги повсеместно. Однако Россия была государством, население которого исповедовало различные религии, имелось и множество сект, последователи которых не считали нужным обра-

⁴⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т. IV. № 1908.

щаться к православному духовенству, некоторые категории подданных подлежали регистрации в государственных учреждениях. Даже если предположить, что священнослужители различных религиозных культов исправно отправляли свои обязанности по регистрации актов гражданского состояния, не всегда последователи той или иной религии могли зарегистрировать имевший место юридический факт, если поблизости не было ни одного священнослужителя его религии.

Таким образом, с одной стороны, не было единой системы регистрации актов гражданского состояния, а с другой — не были единичными случаи, когда рождение, смерть или иной юридический факт вообще нигде не был зарегистрирован. Кроме того, из-за громадных размеров страны регистрация рождений и смертей нередко откладывалась, что приводило к неточностям в метрических книгах.

Лица, рождение которых нигде не было зарегистрировано, могли установить факт рождения от родителей, состоявших в законном браке, в судебном порядке: ст. 1356 Устава гражданского судопроизводства допускала при невозможности получить метрическое свидетельство в связи с отсутствием метрических книг или при «сомнительности обстоятельств, которые в них показаны», использовать исповедные росписи, родословные, городовые обывательские книги, формулярные списки и ревизские сказки, а также в качестве дополнительных доказательств принимались показания свидетелей, в том числе священника, совершавшего крещение, бывшего при том причта и восприемников.

Естественно возникала насущная необходимость унифицировать запись актов гражданского состояния и передать ее в государственные учреждения. Во Франции, Германии, Англии к началу XX в. регистрация актов гражданского состояния уже находилась в руках государства.

Конечно, сама регистрация факта рождения или смерти не является основанием возникновения или прекращения правоспособности. Однако порядок регистрации играет существенную роль.

При разработке проекта Гражданского уложения были пересмотрены взгляды на роль актов гражданского состояния. В Своде законов раздел, им посвященный, находился в т. IX, где были помещены законы о состояниях. Авторы проекта Гражданского уложения, учитывая значение актов гражданского состояния в области регулирования гражданско-правовых и семейных отношений, сочли необходимым поместить их в этом законе.

В толковании было пояснено, что «законы об актах гражданского состояния по их существу и практическому значению принадлежат

к числу законов гражданских, потому что акты этого рода служат главным образом доказательством законности рождения, возраста, личной гражданской правоспособности, брачного союза, родства и основанного на нем праве наследования»⁴¹. Проект заменил термин «общие акты состояния» на используемый и в настоящее время, введенный в обиход советским законодателем термин «акты гражданского состояния», «удостоверяющие... начало и конец существования лица как субъекта гражданских прав».

Советский законодатель легко разрубил «гордиев узел» множественности органов, осуществлявших регистрацию актов гражданского состояния, перед которым пасовало дореволюционное право. Опираясь на проект Уложения, что выразилось в использовании терминологии проекта и привязке ведения актов гражданского состояния к регулированию семейно-брачных отношений, Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» передал ведение книг записей браков и книг записей рождений отделу записей браков и рождений при городской (районной, уездной или волостной земской) управе (п. 9). Акт о смерти лица составлялся тем же отделом, который ведал записью браков и рождений, путем записи в особой книге записей смерти (п. 11). Записи составлялись в двух экземплярах, один из которых оставался в соответствующем загсе, а другой по окончании года пересылался для хранения в соответствующий суд (п. 9). 23 января 1918 г. был принят Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», в п. 8 которого содержалась уже общая норма: «8. Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью: отделами записи браков и рождений».

Сроки регистрации актов гражданского состояния интересовали авторов проекта Гражданского уложения. Однако в этом вопросе они не могли использовать практику современных европейских стран, поскольку огромные пространства России и крайне низкая плотность населения в ряде местностей не позволяли точно указать сроки регистрации. Советский закон точно так же не мог точно указать сроки для регистрации актов гражданского состояния.

Преемственность в вопросе регистрации актов гражданского состояния наблюдается и в настоящее время. Основным нормативным актом является Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. «Об актах

⁴¹ Гражданское уложение. Кн. 2. Семейственное право. Проект. М., 2008. С. 592.

гражданского состояния», основывающийся на положениях Гражданского кодекса РФ и Семейного кодекса РФ (ст. 2.1).

Содержание гражданской правоспособности физических лиц в императорской России для всех ее подданных сформулировать было невозможно, поскольку, как уже говорилось выше, оно зависело от массы факторов. В частности, пола, национальности, вероисповедания, сословной принадлежности и т.п. Взгляды ученых, работавших в период существования сословного общества, представлены Л.В. Цветаевым. Ученый-законовед полагал, что «поелику разум есть единственное основание прав и должностей, и сей всем людям приличествует, несмотря на разность способностей: следовательно, все означенные права принадлежат всем людям без всякого различия»⁴². Если учесть, что во время написания этих строк господствовало крепостное право, такой вывод представляется весьма рискованным. Однако автор остроумно уходит от прямого ответа на вопросы, связанные с российскими проблемами. Он, во-первых, излагает материал абстрактно, не привязывая его к российскому действующему праву, и, во-вторых, дает очень необычное для современного уха определение статуса слуг, который получает у автора расширительное толкование. «Союз» слуг и господ автор причисляет к праву семейственному. «Общество сие основывается на договоре», договором же определяются и обязанности сторон. В примечании поясняется, что «некоторые обещались кому-либо служить в продолжение своей жизни: отсюда произошло личное рабство, некоторые же и с потомством своим отдались в зависимость других: отсюда произошло наследственное рабство»⁴³.

Если в проекте елизаветинского Уложения читаем: «Все подданные в государстве не могут быть одного состояния, — природа, заслуги, наука, промыслы и художества разделяют их на разные в государстве чины, из которых каждый чин имеет особливое своему званию приличное преимущество и право, от которых благополучие их единственно зависит»⁴⁴, что для середины XVIII в. было вполне естественным, то в XIX и даже к концу XVIII в. подобные высказывания становились недопустимыми для публичных выступлений. Читавший свой курс в середине XIX в. Д.И. Мейер писал: «Напрасно пытаются иные

⁴² Цветаев Л.В. Указ. соч. С. 13–14.

⁴³ Там же. С. 31.

⁴⁴ Очерки истории СССР. Т. 9. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. / Под. ред. А.И. Барановича, Б.Б. Кафенгауза, Н.К. Алефиренко, Ю.Р. Клокмана, Е.Н. Кушевой. М., 1956. С. 257.

представить деление граждан на сословия общечеловеческой необходимостью, напрасно пытаются различие прав по состоянию свести к человеческой природе: она не знает неравенства прав, а представляет только неравенство людей по их силам, способностям, понятиям»⁴⁵.

Соотношение гражданской правоспособности и сословного статуса в российском праве XVIII–XIX вв. показывает, насколько сложно было государству уравновесить интересы господствующего класса феодалов, с одной стороны, способствовать экономическому развитию страны, с другой стороны, и при всем при этом сохранить хоть какой-то классовый мир и соблюсти интересы казны — с третьей.

Известно, что к XVIII в. в России сложились четыре обособленных сословия: дворяне, крестьяне, горожане и духовенство. В результате присоединения к Российской империи в конце XVIII в. после раздела Польши территорий, на которых проживало значительное число евреев, возникла потребность законодательно определить их статус. Евреи были приписаны к горожанам, но с начала XIX в. на содержание их гражданской правоспособности стало оказывать влияние их религиозная принадлежность⁴⁶.

Каждое состояние наделялось известными правами и исполняло определенные обязанности. Известно, что в XVIII в. в России зарождаются буржуазные отношения, складывается всероссийский рынок, а во второй половине XVIII в. капиталистический уклад вступает в конфликт с феодальным способом производства. И первое столкновение происходит между сословной замкнутостью русского общества и вытекающей из нее зависимостью объема гражданской правоспособности с потребностью развивающегося капитализма в «полном развитии народной предприимчивости и энергии»⁴⁷.

Однако вышесказанное является лишь схемой. Внутри каждого сословия содержание правоспособности отнюдь не было единообразно. Содержание правоспособности дворян было обусловлено несением традиционной для этого сословия государственной службы. Они до XIX в. были в некоторой степени ограничены в праве заниматься торговлей, но имели широкие права проживать там, где считали нужным и свободой передвижения, включая за границами России. Кре-

⁴⁵ *Мейер Д.И.* Указ. соч. Ч. 1. С. 115.

⁴⁶ См.: *Kalik J.* The Legal Position of Rural Jews in the Russian Empire // *Kalik J. Movable Inn: The Rural Jewish Population of Minsk Guberniya in 1793–1914.* Berlin, 2018. P. 35–50.

⁴⁷ *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 44.

стьяне и горожане как податное население обязаны были уплачивать подушную подать (дольше всего ее платили владельческие крестьяне), что значительно ограничивало их свободу передвижения, поскольку их связывала круговая порука. Ограничивались права крестьян и при выборе занятий. Черта оседлости определяла до 1917 г. свободу передвижения и выбора места жительства многих евреев.

Проект Гражданского уложения начал составляться уже после отмены крепостного права и подушной подати, таким образом, появились предпосылки для единообразного определения содержания правоспособности для всех подданных Российской империи.

В Проекте Гражданского уложения давалось сразу два варианта статьи, посвященной этому вопросу.

«26. Каждый, в пределах, законом установленных, имеет право селиться и жить, приобретать имущества всякого рода и заниматься торговлею, ремеслом или промыслом в любой местности, где пожелает.

Или:

Каждый русский подданный, обладающий гражданскою правоспособностью, имеет, в пределах, законом установленных, право селиться и жить, приобретать имущества всякого рода и заниматься торговлею, ремеслом или промыслом в любой местности, где пожелает»⁴⁸.

Авторы Проекта объясняли появление данной нормы тем, что отмена подушной подати открыла крестьянскому населению возможность переселения. Задача правительства, по мнению авторов проекта, состояла во всяческом способствовании этому. Таким образом, основные ограничения при определении содержания правоспособности, единообразного для всего населения России, состояли, по мнению авторов проекта, в дискриминационном по отношению к крестьянству законодательстве. В объяснении нормы ст. 26 Проекта говорилось, что, «свобода переездов и переселения есть необходимое условие естественного и выгоднейшего распределения хозяйственных сил народа... Каждое совершеннолетнее лицо, имеющее право располагать собою... имеет вместе с тем и право... избирать род занятий и связанное с оным место жительства или пребывания»⁴⁹.

Однако какие бы то ни было ограничения отдельных состояний были ликвидированы только в ходе революций 1917 г. Самым первым

⁴⁸ Проект книги первой Гражданского уложения с объяснительною запискою. С. 118.

⁴⁹ Там же. С. 120.

актом, опубликованным Временным правительством 22 марта 1917 г., отменялись все ограничения «в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности». Таким образом, была отменена черта оседлости. Далее уже советская власть Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 10 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» упразднила «все существовавшие доньше в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения», а Декретом СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» — упразднила «какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан»; Декларация прав народов России от 2 ноября 1917 г. предоставила народам, населяющим Россию, право решать вопрос, оставаться в составе государства или нет, что косвенно определяло и судьбу законодательства, поскольку советские декреты имели неоспоримое главенство по отношению к остальным источникам права.

Закрепленное ГК РСФСР 1922 г. содержание правоспособности определялось, прежде всего, теми задачами, которые ставило перед собой государство. В соответствии со ст. 5 ГК «каждый гражданин РСФСР и союзных советских республик имеет право свободно передвигаться и селиться на территории РСФСР, избирать невоспрещенные законом занятия и профессии, приобретать и отчуждать имущества с ограничениями, указанными в законе, совершать сделки и вступать в обязательства, организовывать промышленные и торговые предприятия с соблюдением всех постановлений, регулирующих промышленную и торговую деятельность и охраняющих применение труда». Кроме того, ст. 4 закрепляла правило, что «пол, раса, национальность, вероисповедание, происхождение не имеют никакого влияния на объем гражданской правоспособности».

Из сравнения ст. 26 проекта Гражданского уложения и ст. 5 ГК РСФСР 1922 г видно, что советский законодатель действовал аналогично законодателю дореволюционной России. Проект Гражданского Уложения устанавливает, что «каждый, **в пределах, законом установленных**, имеет право селиться и жить, приобретать имущества всякого рода и заниматься торговлею, ремеслом или промыслом в любой местности, где пожелает». Статья 5 ГК 1922 г. закрепляет правило, что «каждый гражданин... имеет право... избирать **не воспрещенные законом** занятия и профессии, приобретать и отчуждать имущества **с ограничениями, указанными в законе**, совершать сделки и вступать в обя-

зательства, организовывать промышленные и торговые предприятия **с соблюдением всех постановлений**, регулирующих промышленную и торговую деятельность и охраняющих применение труда». Эта статья продолжает мысль, закреплённую в ст. 1: «Гражданские права охраняются законом, за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением».

Но если и говорить об ограничениях частнопредпринимательской деятельности, то только без ссылки на ст. 5, поскольку это рамочная норма, закрепляющая принцип гражданского права: разрешено все, что не запрещено законом. Если взять ныне действующий ГК РФ, то его ст. 18, посвященная содержанию гражданской правоспособности граждан, может быть истолкована аналогично ст. 5 ГК РСФСР 1922 г. «Граждане могут иметь имущество на праве собственности; наследовать и завещать имущество; заниматься предпринимательской и любой иной **не запрещенной законом деятельностью**; создавать юридические лица самостоятельно или совместно с другими гражданами и юридическими лицами; совершать **любые не противоречащие закону** сделки и участвовать в обязательствах; избирать место жительства; иметь права авторов произведений науки, литературы и искусства, изобретений и иных охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности; иметь иные имущественные и личные неимущественные права».

Объем правоспособности граждан определялся другими статьями Кодекса 1922 г. и действовавшими нормативными правовыми актами. Примечательно, что ГК РСФСР в ст. 5 даже не придерживается закреплённого в ст. 106 принципа, что обязательства возникают только из оснований, предусмотренных в законе. Автор проекта Кодекса А.Г. Гойхбарг в выступлении на IV сессии ВЦИК IX созыва, когда представлял Кодекс, так охарактеризовал задачи законодателя: «Мы исходим из того, что новая экономическая политика, что уступки, которые сделаны частной инициативе, сделаны только во имя развития производительных сил нашей республики, и поэтому наше государство, считаясь со своими интересами, предоставляет в пределах этих интересов правоспособность, право на обладание известным имуществом лицам, выполняющим предначертания государства»⁵⁰. Здесь видна излишняя политизированность автора. «Лица, выполняющие предначертания государства», действовали и в своих собственных интересах. Причем собственные интересы стояли, естественно, на пер-

⁵⁰ IV сессия ВЦИК IX созыва // Бюллетень. 1922. № 3. С. 9.

вом месте. Любое государство определяет пределы, рамки, в которых действует частная инициатива.

Выступления и статьи советских юристов того времени демонстрируют, как политическая ситуация влияет на теорию права. П.И. Стучка признавал, что «тогда (в 1922 г. — *Т.Н.*) представили себе картину развития приблизительно так: гражданский оборот представляет собой небольшой оазис, подчиненный гражданскому кодексу и гражданскому суду. Рабочий класс будет жить по «законам кодекса о труде, даже судиться он будет в особом суде (трудовые сессии, конфликтные комиссии). Крестьянин о земле спорить будет по земельному кодексу и в особых земельных комиссиях. Наконец, и национализированное производство, транспорт и внешняя торговля будут жить своею советскою жизнью»⁵¹. Следует оговориться, что в приведенной цитате не содержится мысли самого П.И. Стучки о судьбе гражданского права при социализме. Речь здесь идет, скорее всего, о концепции М.А. Рейснера, согласно которой советское право имело классовую «многослойность». Рейснер считал, что пролетарское право представлено в трудовом кодексе, мелкобуржуазное — в земельном, а буржуазное — в гражданском⁵². Однако идеи Рейснера никак не отразились на гражданском праве, равно как и любой другой отрасли права, о которых он писал.

П.И. Стучка в 1922 г. думал по-другому. Выступая в прениях по докладу о ГК на сессии ВЦИК, он возражал А.Г. Гойхбаргу, утверждавшему, что «кодекс издается для того, чтобы наши и иностранные капиталисты не могли угнетать наше беднейшее население»⁵³. П.И. Стучка сказал: «Это совершенно неправильная точка зрения. К сожалению, она отразилась на этом кодексе. Кому приходилось побывать в камерах мировых судей или ныне народных судей, тот знает, что там вовсе не преобладает капиталистический элемент, и одной стороной обыкновенно бывают рабочие, крестьяне и т.д. Это будет и в будущем, ибо эти купли, продажи, всякие сделки, займы и т.д., которые доходят до суда, обыкновенно относятся именно к бедноте или если не совсем к бедноте, то, во всяком случае, к средним слоям. Поэтому кодекс должен быть написан так, чтобы он относился к этим лицам, а не в первую голову к капиталистам. Для капиталистов же вполне достаточно даже того, что было сказано в положениях, принятых прошлой сесси-

⁵¹ Стучка П.И. Курс советского гражданского права. Т. 1. М., 1927. С. 61.

⁵² См.: Рейснер М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л.; М., 1925. С. 244.

⁵³ IV сессия ВЦИК IX созыва // Бюллетень. 1922. № 3. С. 19.

ей. Для обыкновенного обывателя необходим кодекс, который был бы понятен и который его обеспечивал бы»⁵⁴.

Обе представленные точки зрения не дают объективной оценки ГК. Кодекс был составлен таким образом, что содержание правоспособности давало возможность активно использовать товарно-денежные отношения в экономике страны. Однако доминировавшее в советской науке гражданского права мнение, высказанное не просто учеными, а коммунистами, занимавшими высокие посты в государстве, мнение, опиравшееся на высказывания В.И. Ленина, отражалось не только на взглядах современников, но и более поздних исследователей.

Возможно, именно потому, даже в 1927 г. писали, что «говоря о правоспособности, он (ГК. — *Т.Н.*) говорит о правоспособности „гражданина“, т.е. частного»⁵⁵. Упор на ограничение частной собственности, на публично-правовой характер регулирования имущественных отношений виден в сочинениях А.Г. Гойхбарга, конечно, нашел он отражение и в самом Кодексе, проект которого он редактировал. Гойхбарг был, по словам О.С. Иоффе, «глашатай» теории, в основу которой положена идея примата публично-правового над частноправовым⁵⁶. Здесь Гойхбарг во многом следовал за В.И. Лениным. Гойхбаргу должна была быть известна позиция Ленина, даже не столько по письмам, сколько по замечаниям и устным высказываниям на заседаниях в Совнарком⁵⁷. Слабость концепции Гойхбарга, как представляется, состояла не в том, что он пытался провести идею «ограничения» в Кодексе и отстаивал ее в научной литературе, а в том, что это главное требование В.И. Ленина он считал единственным и за задачей борьбы со злоупотреблениями энпманов не увидел созидательной роли гражданского права в хозяйственной жизни страны.

Статья 5 ГК РСФСР 1922 г. продолжала действовать до принятия нового кодекса 1964 г. Именно в этом ГК статья о содержании правоспособности была существенно изменена и была сформулирована следующим образом: «Граждане могут в соответствии с законом иметь имущество в личной собственности, право пользования жилыми помещениями и иным имуществом, наследовать и завещать имущество,

⁵⁴ IV сессия ВЦИК IX созыва // Бюллетень. 1922. № 3. С. 14–15.

⁵⁵ *Вольфсон Ф.* Хозяйственное право первого десятилетия // Советское право. 1927. № 6. С. 23.

⁵⁶ См.: *Иоффе О.С.* Развитие цивилистической мысли в СССР. В 2 ч. Ч. I. Л., 1975. С. 23.

⁵⁷ См., например: *Гойхбарг А.Г.* Ленин и советское право // Советское право. 1924. № 2. С. 5–6.

избирать род занятий и место жительства, иметь права автора произведения науки, литературы и искусства, открытия, изобретения, рационализаторского предложения промышленного образца, а также иметь **иные имущественные** и личные неимущественные **права**» (ст. 10).

Статья эта звучит довольно неопределенно. В ней отсутствуют упоминавшиеся в предшествующем кодексе права граждан «совершать сделки и вступать в обязательства, организовывать промышленные и торговые предприятия с соблюдением всех постановлений, регулирующих промышленную и торговую деятельность и охраняющих применение труда». Связано это было, вероятно, со стремлением политического руководства СССР во главе с Н.С. Хрущевым в кратчайшие сроки построить коммунизм. Поэтому в ГК нет упоминаний об индивидуальном частном хозяйстве, хотя ст. 9 Конституции СССР 1936 г., где о нем говорилось, продолжала действовать.

В связи с этим мнение А.С. Бычкова о том, что «с принятием Конституции СССР 1936 г. утрачивала силу ст. 5 ГК РСФСР в той части, где гражданам разрешалось заниматься предпринимательской деятельностью, организовывать промышленные и торговые предприятия. Допускалось лишь существование мелкого частного хозяйства единоличных крестьян и кустарей, основанного на личном труде и исключаящего эксплуатацию чужого труда»⁵⁸ неверно по существу: статья действовала до 1964 г. Ограничения в сфере предпринимательской деятельности и частной торговли были осуществлены не при помощи Гражданского кодекса.

Примечательно, что ГК РСФСР 1922 г., действовавший 40 лет, с формально-юридической точки зрения не препятствовал проявлению предпринимательской инициативы граждан. Советское законодательство, запретив частную собственность, под которой понималась собственность, при помощи которой возможна эксплуатация чужого труда и извлечение прибыли в пользу собственника средств производства, не препятствовало организации различных форм кооперативов, индивидуального предпринимательства. Другое дело — этим формам предпринимательства могли препятствовать (и препятствовали партийные и советские руководители самых разных рангов). Но закон-то здесь не виноват.

Для примера можно взять широко известную ст. 1 ГК 1922 г. При всей кажущейся ясности статья вызывала в литературе 20-х гг.

⁵⁸ Бычков А.И. Историко-правовая характеристика Конституции СССР 1936 г. // История государства и права. 2012. № 8. С. 17–19; № 9. С. 18–21.

споры. Дело в том, что юристы старой школы пытались прокомментировать ее с юридико-догматических позиций и видели в ней охрану интересов отдельных лиц от злоупотреблений правом, т.е. шикану. Этот институт был хорошо знаком западноевропейскому праву. А.Г. Гойхбарг видел в ней (наряду со ст. 4, 17, 18, 19 и проч.) «специфическое отличие нашего кодекса переходного времени»⁵⁹ и писал именно об охране интересов социалистического государства от злоупотреблений частных лиц⁶⁰.

Но почему надо выбирать одно из двух? Может эта статья оберегать интересы отдельных лиц от злоупотреблений правом. Конечно. Равно как и охрану интересов государства от злоупотреблений частных лиц. Например, ГК РСФСР 1964 г. (ст. 142) и ныне действующий ГК РФ (ст. 214) знают такую норму как изъятие путем выкупа по решению суда бесхозяйственно содержимых культурных ценностей.

Значение ст. 4 ГК РСФСР 1922 г. состояло в том, что она закрепляла равную для всех граждан правоспособность. На ее объем не оказывало влияния ограничение гражданина в политических правах. С точки зрения нужд хозяйственной политики 20-х гг. основной задачей ГК как раз и считалось регулирование деятельности «частников». Поэтому мысль Б.С. Антимонова об ограничении в ст. 23 Конституции РСФСР 1918 г. гражданской правоспособности (в смысле имущественных прав) имущих классов⁶¹ представляется неверной. Напротив, ст. 6 ГК говорит о возможности ограничить правоспособность только по суду.

Гражданская правоспособность по ГК РСФСР 1922 г. ограничена. Она касается лишь имущественных прав. Личные неимущественные права не охранялись *этим* законом. О.С. Иоффе относит разработку советской цивилистикой «возможности обеспечения гражданско-правовой» охраны чести, имени, собственного изобретения и других личных благ такого же характера к концу 30-х — началу 40-х гг.⁶² Отмечая особенности развития гражданского права социалистических стран, Е.А. Суханов пишет, что «все более заметную роль в социалистическом гражданском праве начинают играть неимущественные отношения, не связанные с имущественными, особенно касающиеся охраны

⁵⁹ Гойхбарг А.Г. Ленин и советское право. С. 6.

⁶⁰ Подробнее о проблеме см.: Добров А. Статья первая Гражданского кодекса // Право и жизнь. 1927. Кн. 1. С. 3—10.

⁶¹ См.: Антимонов Б.С. Конституция РСФСР 1918 года и советское гражданское право // Труды научной сессии, посвященной сорокалетию Конституции РСФСР 1918 года, 5—7 июля 1958 г. М., 1959. С. 82.

⁶² См.: Иоффе О.С. Указ. соч. Ч. 1. С. 9, 116.

личных прав граждан. Широкое закрепление этих отношений в гражданском праве зарубежных социалистических стран привело к появлению в их законодательстве открытого (а не исчерпывающего) перечня охраняемых личных неимущественных прав»⁶³. Однако надо учитывать, что при разработке проекта ГК комиссией специалистов в ст. 9 предусматривалась защита личных неимущественных прав. Хотя это было ошибочно расценено как «следование модным в буржуазной юридической литературе» требованиям «защиты» «нематериальных благ» более «высокого порядка»⁶⁴. Кроме того, следуя традиции российского законодательства, авторские и изобретательские права защищались в Советском государстве специальными нормативными правовыми актами, которые были приняты задолго до принятия ГК РСФСР 1922 г.

Проект Гражданского уложения предполагал в ст. 27 защиту чести, достоинства, доброго имени личности от противозаконных посягательств. По мнению комментатора данной статьи, эти ценности уже были защищены в русском праве нормами уголовного права. Проект вводил ответственность в порядке гражданских взысканий (хотя и Свод гражданских законов такую ответственность предусматривал)⁶⁵.

Определение правоспособности, которое в первом советском гражданском кодексе было дано с материальных позиций, нельзя рассматривать как некий инструмент проведения политики большевиков по подавлению «буржуазных» элементов. К XX в. принципы естественного права о том, что правоспособность является прирожденным свойством гражданина стало общим местом в европейских гражданских кодексах. Точно так же как право на счастье человека, еще одно естественное право, не будет отрицать ни одно современное государство. Материальный подход в определении правоспособности нравился самим коммунистам во главе с В.И. Лениным, он носил эпатажный характер. Но в этой статье нет ничего, что закрепляло дискриминацию по отношению к какой-то части общества, нет. Статья 5, которая посвящена определению содержания правоспособности, играла гораздо более важную роль.

Содержание имущественной правоспособности в ГК 1922 г. ограничивалось пределами, которые соответствовали интересам, в дан-

⁶³ Суханов Е.А. Общие тенденции развития гражданского права зарубежных европейских стран — членов СЭВ: Автореф. ... докт. юрид. наук. М., 1986. С. 24.

⁶⁴ Энциклопедия государства и права. Т. 1. Вып. 1. М., 1925. С. 510.

⁶⁵ Проект книги первой Гражданского уложения с объяснительною запискою. С. 126—127.

ном случае, социалистического, государства. Точно так же государство определяло содержание правоспособности частных лиц до революции, ограничивается оно и сейчас, что видно из текста соответствующих норм гражданских кодексов. Общеизвестно, что правовое регулирование имущественных отношений напрямую связано с состоянием экономики, и нормы гражданского права являются весьма действенным инструментом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анненков К. Система гражданского права. Т. 1. Введение и общая часть. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901.

Антимонов Б.С. Конституция РСФСР 1918 года и советское гражданское право // Труды научной сессии, посвященной сорокалетию Конституции РСФСР 1918 года, 5–7 июля 1958 г. М.: Институт права Академии наук СССР; Всесоюзный институт юридических наук, 1959. С. 79–92.

Бычков А.И. Историко-правовая характеристика Конституции СССР 1936 г. // История государства и права. 2012. № 8. С. 17–19.

Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 5-е изд. СПб.; Киев: Лито-типография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1907.

Вольфсон Ф. Хозяйственное право первого десятилетия // Советское право. 1927. № 6. С. 22–33.

Герцен А.И. Крещенная собственность // Герцен А.И. О социализме. Избранное. М.: Наука, 1974. С. 317–351.

Гейхбарг А.Г. Ленин и советское право // Советское право. 1924. № 2. С. 3–6.

Гражданский кодекс Российской Федерации. Подробный постатейный комментарий с путеводителем по законодательству и судебной практике. Часть I / Отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2017.

Дебольский Н.Н. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII в. 3-е изд. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1903.

Добров А. Статья первая Гражданского кодекса // Право и жизнь. 1927. Кн. 1. С. 3–10.

Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР. В 2 ч. Ч. 1. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975.

Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М.: Статут, 2010.

Мейер Д.И. Русское гражданское право. В 2 ч. Ч. 1. М.: Статут, 1997. 290 с.

Неволин К. История российских гражданских законов. Т. 2. Энциклопедия законоведения. Вторая половина особенной части. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1857.

Новицкая Т.Е. Граждане (физические лица) как субъекты имущественных правоотношений в первые годы Советской власти (1917–1920-е годы) // Науч-

ные труды / Под ред. А.К. Голиченкова, В.В. Гриба, Е.А. Суханова, С.М. Шахрая, А.Е. Шерстобитова. М.: Юрист, 2019. С. 75–79.

Новицкая Т.Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М.: Зерцало-М, 2012.

Очерки истории СССР. Т. 9. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. / Под. ред. А.И. Барановича, Б.Б. Кафенгауза, Н.К. Алефиренко, Ю.Р. Клокмана, Е.Н. Кушевой. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1956.

Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998.

Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики / Отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017.

Рейснер М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л.; М.: Государственное издательство, 1925.

Стучка П.И. Курс советского гражданского права. I: Введение в теорию гражданского права. М.: Издательство Коммунистической академии, 1927.

Суханов Е.А. Общие тенденции развития гражданского права зарубежных европейских стран — членов СЭВ: Автореф. ... докт. юрид. наук. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 1986.

Флейшиц Е.А. Соотношение правоспособности и субъективных прав // Вестник гражданского права. 2009. № 2. С. 209–230.

Цветаев Л. Первые начала прав: частного и общего, с присовокуплением оснований народного права. М.: Типография Императорского Московского университета, 1823.

Частное право: проблемы теории и практики / Отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2016. 144 с.

Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 3-е изд. Казань: Типо-литография Императорского Казанского университета, 1901.

Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М.: Бр. Башмаковы, 1914.

Энциклопедия государства и права Т. 1. Вып. I. / Под ред. П. Стучки. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1925.

Kalik J. The Legal Position of Rural Jews in the Russian Empire // *Kalik J. Movable Inn: The Rural Jewish Population of Minsk Guberniya in 1793–1914.* Berlin: De Gruyter, 2018. P. 35–50. DOI: 10.1515/9783110576092-004

Rodriguez de las Heras Ballel T. Introduction to Spanish Private Law: Facing the Social and Economic Challenges. London: Routledge-Cavendish, 2009. DOI: 10.4324/9780203873151

Tumanova A.S. The Liberal Doctrine of Civil Rights in Late Imperial Russia // *Cahiers du monde russe.* 2016. Vol. 57. No. 4. P. 791–818. DOI: 10.4000/monderusse.9990

REFERENCES

Annenkov, K. (1901). *Sistema grazhdanskogo prava. T. 1. Vvedenie i obshchaya chast'* [Civil Law System. Volume 1. Introduction and General Part]. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. (in Russ.).

Antimonov, B.S. (1959). Konstitutsiya RSFSR 1918 goda i sovetskoe grazhdanskoe pravo [The Constitution of the RSFSR of 1918 and Soviet Civil Law]. In: *Trudy nauchnoi sessii, posvyashchennoi sorokaletiyu Konstitutsii RSFSR 1918 goda, 5–7 iyulya 1958 g.* [Proceedings of a Scientific Session Devoted to the Fortieth Anniversary of the Constitution of the RSFSR of 1918, July 5–7, 1958]. Moscow: Institut prava Akademii nauk SSSR; Vsesoyuznyi institut yuridicheskikh nauk, pp. 79–92. (in Russ.).

Baranovich, A.I., Kafengauz, B.B., Alefirenko, N.K., Klokman, Yu.R. and Kusheva, E.N. eds. (1956). *Ocherki istorii SSSR. T. 9. Period feodalizma. Rossiya vo vtoroi polovine XVIII v.* [Essays on the History of the USSR. Volume 9. The Period of Feudalism. Russia in the Second Half of the 18th Century]. Moscow: Akademiya Nauk SSSR Publ. (in Russ.).

Bespalov, Yu.F. ed. (2016). *Chastnoe pravo: problemy teorii i praktiki* [Private Law: Problems of Theory and Practice]. Moscow: Prospekt. (in Russ.).

Bespalov, Yu.F. ed. (2017). *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii. Podrobnii postateinyi kommentarii s putevoditelem po zakonodatel'stvu i sudebnoi praktike. Chast' I* [The Civil Code of the Russian Federation. The Detailed Commentary of Articles with a Guide to Legislation and Case Law]. Part I. Moscow: Prospekt. (in Russ.).

By'chkov, A.I. (2012). Istoriko-pravovaya kharakteristika Konstitutsii SSSR 1936 g. [Historical and Legal Characteristics of the Constitution of the USSR of 1936]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], (9), pp. 18–21. (in Russ.).

Debol'skii, N.N. (1903). *Grazhdanskaya deеспособnost' po russkomu pravu do kontsa XVII v.* [Civil Capacity under Russian Law up to the End of the 17th Century]. 3rd ed. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. (in Russ.).

Dobrov, A. (1927). Stat'ya pervaya Grazhdanskogo kodeksa [Article One of the Civil Code]. *Pravo i zhizn'* [Law and Life], (1), pp. 3–10. (in Russ.).

Fleishits, E.A. (2009). Sootnoshenie pravospособnosti i sub"ektivnykh prav [Correlation of Legal Capacity and Subjective Rights]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], 2, pp. 209–230. (in Russ.).

Gertsen, A.I. (1974). Kreshchenaya sobstvennost' [Baptized Property]. In: Gertsen, A.I. *O sotsializme. Izbrannoe* [About Socialism. Selected Works]. Moscow: Nauka, pp. 317–351. (in Russ.).

Goikhbarg, A.G. (1924). Lenin i sovetskoe pravo [Lenin and Soviet Law]. *Sovetskoe pravo* [Soviet Law], (2), pp. 3–6. (in Russ.).

Ioffe, O.S. (1975). *Razvitie tsivilisticheskoi mysli v SSSR. V 2 ch. Ch. I* [The Development of Civilistic Thought in the USSR. In Two Parts]. Part I. Leningrad: Leningradskii universitet Publ. (in Russ.).

Kalik, J. (2018). The Legal Position of Rural Jews in the Russian Empire. In: Kalik, J. *Movable Inn: The Rural Jewish Population of Minsk Guberniya in 1793–1914*. Berlin: De Gruyter, pp. 35–50. DOI: 10.1515/9783110576092-004

Makovskii, A.L. (2010). *O kodifikatsii grazhdanskogo prava (1922–2006)* [On the Codification of Civil Law (1922–2006)]. Moscow: Statut. (in Russ.).

Meier, D.I. (1997). *Russkoe grazhdanskoe pravo. V 2-kh chastyakh. Ch. I* [Russian Civil Law. In Two Parts]. Part I. Moscow: Statut. (in Russ.).

Nevolin, K. (1857). *Istoriya Rossiiskikh grazhdanskikh zakonov. T. 2. Entsiklopediya zakonovedeniya. Vtoraya polovina osobennoi chasti* [History of Russian Civil Laws. Volume 2. Encyclopedia of Law. The Second Half of the Special Part]. Saint Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa. (in Russ.).

Novitskaya, T.E. (2012). *Grazhdanskii kodeks RSFSR 1922 goda* [The Civil Code of the RSFSR of 1922]. Moscow: Zertsalo-M. (in Russ.).

Novitskaya, T.E. (2019). Grazhdane (fizicheskie litsa) kak sub"ekty imushchestvennykh pravootnoshenii v pervye gody Sovetskoi vlasti (1917–1920-e gody) [Citizens (Individuals) as Subjects of Property Legal Relations in the First Years of Soviet Power (1917–1920s)]. In: A.K. Golichenkov, V.V. Grib, E.A. Sukhanov, S.M. Shakhrai and A.E. Sherstobitov, eds. *Nauchnye trudy* [Scientific Works]. Moscow: Yurist, pp. 75–79. (in Russ.).

Pokrovskii, I.A. (1998). *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The Main Problems of Civil Law]. Moscow: Statut. (in Russ.).

Reisner, M.A. (1925). *Pravo. Nashe pravo. Chuzhoe pravo. Obshchee pravo* [The Law. Our Law. Alien Law. Common Law]. Leningrad; Moscow: Gosudarstvennoe Publ. (in Russ.).

Rodriguez de las Heras Ballel, T. (2009). *Introduction to Spanish Private Law: Facing the Social and Economic Challenges*. London: Routledge-Cavendish. DOI: 10.4324/9780203873151

Shershenevich, G.F. (1901). *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian Civil Law]. 3rd ed. Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo Kazanskogo Universiteta. (in Russ.).

Shershenevich, G.F. (1914). *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. T. 1.* [Textbook of Russian Civil Law]. Volume 1. Moscow: Br. Bashmakovy. (in Russ.).

Stuchka, P. ed. (1925). *Entsiklopediya gosudarstva i prava T. 1. Vyp. 1.* [Encyclopedia of State and Law]. Volume 1. Issue 1. Moscow: Kommunisticheskaya akademiya Publ. (in Russ.).

Stuchka, P.I. (1927). *Kurs sovetskogo grazhdanskogo prava. I: Vvedenie v teoriyu grazhdanskogo prava* [The Course of Soviet Civil Law. I: Introduction to the Theory of Civil Law]. Moscow: Kommunisticheskaya akademiya Publ. (in Russ.).

Sukhanov, E.A. (1986). *Obshchie tendentsii razvitiya grazhdanskogo prava zarubezhnykh evropeiskikh stran — chlenov SEV* [General Trends in the Development of Civil Law of Member States of the CMEA]. The Doctor of Legal Sciences Thesis' Abstract. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (in Russ.).

Tsvetaev, L. (1823). *Pervye nachala prav: chastnogo i obshchego, s prisovokupleniem osnovanii narodnogo prava* [The First Principles of Law: The Private and Common, with the Addition of the Foundations of Law of Nations]. Moscow: Tipografiya Imperatorskogo Moskovskogo universiteta. 75 p. (in Russ.).

Tumanova, A.S. (2016). The Liberal Doctrine of Civil Rights in Late Imperial Russia. *Cahiers du monde russe*, 57(4), pp. 791–818. DOI: 10.4000/monderusse.9990

Vaipan, V.A. and Egorova, M.A. eds. (2017). *Pravo i ekonomicheskoe razvitie: problemy gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomiki* [Law and Economic Development: Problems of State Regulation of the Economy]. Moscow: "Yustitsinform". (in Russ.).

Vladimirskii-Budanov, M.F. (1907). *Obzor istorii russkogo prava* [Overview of the History of Russian Law]. 5th ed. Saint Petersburg; Kiev: Lito-tipografiya Tovarishchestva I.N. Kushnerev i Ko. (in Russ.).

Vol'fon, F. (1927). Khozyaistvennoe pravo pervogo desyatiletia [Commercial Law of the First Decade]. *Sovetskoe pravo* [Soviet Law], (6), pp. 22–33. (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Новицкая Татьяна Евгеньевна — профессор кафедры истории государства и права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор.

AUTHOR'S INFO:

Tatyana E. Novitskaya — Professor of Department of Legal History, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Новицкая Т.Е. Правоспособность физических лиц (граждан) как субъектов имущественных отношений в российском законодательстве // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 6. С. 162–196. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-6-novitskaya

FOR CITATION:

Novitskaya, T.E. (2019) The Legal Capacity of Natural Persons (Citizens) — Subjects of Property Relations in Russian Legislation. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 14(6), pp. 162–196. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-6-novitskaya